

ГЛАВА 1

899 год

Два одомашненных лося были впряжены один за другим в санный возок и ходко бежали по тропе, вьющейся среди сугробов. Молодой мерянин Кима правил ими, привалившись к накрытым рогожей кадкам с липовым медом. Он пел, пел весело и довольно обо всем, что видел вокруг:

Лес в снегу, а я все еду.

Вокруг елки – высокие красавицы.

Их снежные лапы свисают над дорогой.

Я еду быстро-быстро,

А везут меня сильные лоси,

И им не тяжело везти меня с моим медом.

Мерянин Кима вез дань от селения бортников в град Ростов, располагавшийся на берегу озера Неро. Выехал он поутру в погожий снежный день на исходе зимы и вез как общинный мед – положенную дань, – так и пару своих кадок – но уже на продажу. Оттого настроение у Кимы было преотличное. И как не радоваться жизни в такой светлый день, когда свежесвыпавший снег блестит, когда ветра нет, сани просто летят, а от бегущих разгоряченных лосей валит пар.

Кима улыбался. Лицо молодого мерянина разрумянилось от легкого морозца, на белесые брови из-под меховой шапки упала светлая прядь, а серые, чуть раскосые глаза задорно блестели. У него были широкие, как у большинства мерян, скулы, а вот нос – уточкой, славянский.

Санная дорога пролежала между сугробами, но по мере приближения к заледенелой ленте реки делала резкий поворот, и отсюда, с пригорка, вид на заснеженную реку открывался во всю ширь. Кима сначала немного сдержал бег лосей, чтобы те ненароком не опрокинули возок при повороте, а потом и вовсе натянул вожжи, останавливаясь. Ибо на другом берегу реки он неожиданно увидел одинокого путника на лыжах.

Будь Кима без поклажи, случайный встречный его бы не взволновал, но теперь, когда он вез товар, встреча с незнакомцем могла сулить что угодно. Однако тот был еще далеко, и Кима только смотрел, как лыжник пригнулся, лихо скатился по заснеженному склону, перескочил через холм и прыжком выехал на лед, быстро развернувшись, – только снег из-под лыж полетел.

«Ишь ловкач», – подумал мерянин, сдвигая на затылок свой волчий треух. Лыжник тоже его заметил, помахал рукой. Жест был приветный, но все одно на пути к Ростову можно было встретить и лихих людей, поэтому Кима потянулся к лежавшей за спиной рогатине. И тут рядом неожиданно прозвучало:

– Тсс! Рогатину-то оставь!

От неожиданности мерянин даже икнул, а потом лишь глядел на возникшего из-под лап заснеженной ели второго незнакомца. Тот появился бесшумно, только снег осыпался с еловых веток. Лыжник был вооружен луком с наложенной на тетиву стрелой, и стрела эта смотрела в аккурат на Киму.

– Говорю же, не бери. Но и не страшись. Зла тебе не сделаем.

Хорошо так говорить – «зла не сделаем». А отчего ж тогда разделились? Отчего, пока первый путник отвлекал Киму своими скачками по склону, другой притаился под еловыми лапами у дороги, да еще с оружием? Мерянин покосился на покрытые снегом заросли, ожидая, что вот-вот появится еще кто-нибудь из татей. Но не появились. Однако и этот с луком смотрелся опасно: плечистый, в рысьем полушубке, перетянута ремнем, из-за плеча выглядывает рукоять меча, а само лицо незнакомца хоть и молодое, но строгое: темные брови нахмурены под куньим мехом шапки, а синие глаза смотрят с недобрый прищуром. Ну и стрела на тетиве. Так добрые люди к путникам не подступают. Потому-то Кима и был напряжен, а рука в варежке все равно медленно подбиралась к рогатине, которая совсем рядом была – взять бы в захват и... Но синеглазый тать движение мерянина заметил, укоризненно поцокал языком, даже головой покачал, осуждая. Ах, лепший его возьми!

Тем временем первый лыжник уже перебежал заледенелую реку, скоро

вскарабкался по подъему, опираясь на лыжные палки. Поглядел на замершего Киму и опасного лесного лучника, а потом... неожиданно рассмеялся.

– Как погляжу, ты совсем напугал парня. Зачем? Мы бы и так столкнувались с ним. Верно говорю? – И улыбнулся приветливо. – Да пребудет с тобой милость богов, человеке добрый!

А Кима только смотрел, моргая белесыми ресницами. Надо же – баба! Даже не баба – девка молодая. И такая ладная! Мерянин, очарованный, заулыбался. Вот это краса! Из-под рыжей лисьей шапки на плечи незнакомки спадали длинные золотистые косы, укороченная шубка на тонком стане была перетянута ремнем, стеганые штаны заправлены в рыжие меховые онучи. А личико у девушки яркое и ясное, как солнышко: румяные щечки, пухлые яркие губы, длинные ресницы и темные брови вразлет. А глаза...

Кима был простым парнем, вот и сказал первое, что пришло на ум:

– Глаза-то у тебя... Чисто медовые!

Так и глядел на нее, глуповато улыбаясь, а девушка зашлась звонким веселым смехом. Отсмеявшись, к своему спутнику обратилась:

– Вот видишь, Стрелок, он славный парень. И не откажется подвезти нас до Ростова. Ведь не откажешься?

Кима не сразу сообразил, что разговор ведется по-славянски. Ну да это не главное. Главное он уже уяснил: негаданная встреча ничего плохого не сулит.

Тот, кого звали Стрелком, снял лыжи, плюхнулся боком в сани подле кадок с медом и сказал:

– Для мерянина ты уж больно бойко говоришь на языке почитающих Перуна. Мы-то опасались, что едва сможем с мерянами знаками объясниться.

– Зря опасались, – причмокивая и вновь погоняя лосей, ответил Кима. – Словене уже давно в нашем краю живут, вот мы и выучились их разговору.

Меж тем красавица бросила на Киму задорный взгляд, от которого молодой мерянин вообще разомлел, даже забыл покрикивать на лосей, перешедших на

тряскую рысь под новым грузом. И казалось парню, будто от попутчицы свет исходит – так ясно и хорошо вдруг на душе сделалось. Девушка сидела почти рядом, он видел ее тонкий профиль, темные длинные ресницы, переброшенные на грудь золотые косы.

– Так вам до Ростова? – осмелился он начать разговор. Ответил Стрелок:

– Нам путь до вашего большака в племени голядь подсказали, сообщив, что тут мы найдем у кого спросить, как дальше двигаться и кто может подвезти. Вот нам с тобой и повезло. Лоси у тебя сильные, да и язык наш знаешь.

Кима стал пояснять:

– Мать моя мерянского племени, а отец... О, мой батя Словении, Нечаем зовут, и родом он новгородец. Хотя после того как князь Олег Вещий посадил своих людей в граде Ростове, батя мой, пожалуй, в Новгороде ни разу не бывал. Местным стал. И не последним человеком, замечу. Гривну воеводы носит.

Кима отвлекся, натягивая поводья там, где дорога делала поворот вдоль изгиба реки, и не видел, какими взглядами обменялись негаданные попутчики. Потом Стрелок придвинулся и осторожно спросил:

– А князь Вещий... Он как, бывает в здешних краях?

Кима захихикал, а после сказал, что, мол, князь Олег Вещий и птицей летает в поднебесье, и волком рыщет в чаще, и рыбой-щукой кружит под водами, потому как он ведун и он везде. Да только с тех самых пор как князь взял мерян под руку да назначил посадника в Ростове, он здесь не объявлялся. Да и зачем? Дань от племени мерян ему исправно отвозят в Новгород, а за всем тут следит его человек – Путята. Отец же Кимы, воевода Нечай, у посадника не последний человек будет. Недаром мать Кимы, некогда первая красавица в мерянском племени Хромого Бобра, почла за честь родить от Нечая. И Кима уродился в него – тут парень даже указал на свой широкий, уточкой, нос, будто подтверждая сходство с родителем. И добавил с гордостью, что воевода Нечай признал Киму своим сыном, научил словенскому языку, а когда Кима приезжает в Ростов, всегда хорошо принимает его и сажает подле себя.

По своей природе этот мерянский парень был на диво болтлив: говорил и говорил, забыв, как еще недавно опасался встреченных им чужаков. Казалось, он готов был всю свою жизнь рассказать, и даже не заметил, что на его попутчиков будто нашло некое успокоение, когда те поняли, что Олега Вещего им не придется встретить в Ростове. Стрелок даже уточнил, часто ли люди Олега в Ростов наведываются? И остался доволен, узнав, что сам Кима никого из них тут не видел.

Через некоторое время Кима опять запел – обо всем, что было вокруг: о коряге у дороги, о сверкающем пушистом снеге на елях, о стуке дятла в морозном лесу. Молодой мерянин просто светился от удовольствия, когда красная девица стала подпевать ему: мол, и лоси хороши у возницы, и правит он лихо, и сам хорош да любезен. А там и Стрелок вдруг запел: дескать, мерянину все удастся в пути, и то, что он не столько на дорогу, сколько на попутчицу глядит, – так для умелого и ловкого парня это безделица, он не собьется с пути, не завезут его лоси невесть куда. Кима хоть и был прост, но уловил намек в песне, смех его понемногу смолк, и задумался он, обижаться ли на Стрелка или смолчать. Но тот сам разрядил обстановку, когда достал из своего мешка завернутый в тряпицу кусок пирога и, разломив его, протянул половину Киме.

– Угощайся, хозяйка моя пекла. И хоть тесто уже поостыло, но от мороза брусника в нем хуже не стала. А жену мою Светой зовут.

Последнее он сказал с такой гордостью и теплотой, что Кима понял: ценит Стрелок свою ладу, в обиду не даст, да и никому другому не уступит. Мерянин стал жевать. Пирог и впрямь был что надо: мука хорошего помола, а брусника в тесте кисло-сладкая, душистая. И все трое только дружно рассмеялись, когда сани, подскочив на ухабе, разом подбросили их, а кадки с медом громыхнули, но не свалились – Стрелок заботливо поддержал.

Подкрепившись, Кима вновь принялся болтать:

– А меня все кличут Кимой Нечаевым сыном. Селище мое своим покровителем почитает Хромого Бобра. Старцы сказывали, что, когда пращурьы выбирали место для поселения, этот хромой бобер и навел их на подходящий угол в лесу.

Мать моя там и живет, а отец... ну так сказывал уже. Однако о себе я вам все поведал, а вы пока отмалчиваетесь. Вот и спрашиваю: каким ветром вас занесло в наши края? Хотя сам вижу, что издалека вы: и мешки у вас дорожные, и говорите вы не так, как словене в Ростове.

– Мы из племени вятичей, – ответила Света, но сперва, как показалось Киме, взглядом испросила разрешения у своего Стрелка.

Про себя Кима подумал, что он бы ни за что не стал таскать по лесам такую красу. Хотя... Что там говорить, мерянские девки и бабы тоже были лыжницами не последними. Однако конец зимы не самое хорошее время для путешествий, да и уехать от рода... Для одних это изгнание, для других – опасное приключение, на какое без согласия родного племени не всякий и решится. И Кима не удержался, чтобы не осведомиться:

– А что же заставило вас тронуться в путь до того, как Туняюмо не прислал еще теплых ветров для разгона зимней стужи?

Ответил Стрелок:

– Раньше я служил под рукой князя вятичей Держислава. Однако ныне Держислав согласился платить откупную хазарам, и люди стали говорить, что Недоля к нему пришла, раз уступает жадным степнякам. А кто захочет остаться у невезучего правителя? Особливо тогда, когда слава Путяты Ростовского летит, как на крыльях птицы Гамаюн. Вот мы и надумали уйти от Недоли вятичей к Доле ростовской. Так я говорю, жена?

Света не ответила, только взглянула на Стрелка с такой улыбкой, что Кима подумал: «С этой красавицей, да еще и медовой, никакая Недоля не страшна. С ней любое дело сладится, любое горе отступит». И он снова и снова косился на сидевшую подле него молодку, стараясь только, чтобы ее муж не замечал этих взглядов.

Стрелок тоже не сводил с нее глаз, то и дело прижимался щекой к рыжему лисьему меху, укрывавшему плечико его лады, даже веки смежил, наслаждаясь мгновением. Она же стегнула мужа по носу кончиком косы, а потом нежно

провела по его прикрытым глазам, по заросшей щетиной щеке, по крепкому подбородку. О Киме они словно позабыли, и он сам чувствовал себя смущенным, будто случайно оказался вовлеченным в некую тайну. Потому и отвернулся, стегнул лосей, прикрикнул, погоняя.

Стрелок первый окликнул его:

– Если хочешь еще о чем-то спросить – спрашивай. В разговоре и дорога короче покажется.

Говорил будто обычное, а лицо у самого еще благодное после ласки жены, синие глаза сияют. Кима подумал: «Бабам небось такой нравится». Ровный нос, волевое лицо с высокими скулами, и глаза такие... матерые глаза, хотя сам молодой еще. Такие глаза бывают у того, кто много чего пережил или много чего уразумел в жизни. Потому Кима и обращался к Стрелку уважительно. Спросив, каким делом тот кормится и жену кормит, не удивился, когда услышал, что Стрелок, оказывается, воин – само имя его о том говорило, ну и еще выправка. Вон он полулежит на санях, а все же в теле чувствуется какое-то звериное проворство, удаль молодецкая. Такому что расслабиться, что собраться – один миг. Кима опять стал рассказывать о Ростове:

– Ростов-то, он растет год от года. Множество людей в него прибывать стало, когда Путьята там порядок навел. Служить ему даже варяги считают достойным.

– Откуда же им тут взяться, варягам-то? – приподнялся на локте Стрелок.

Взгляд стал цепким, внимательным.

Тут уж Кима запел соловьем: не в глуши, чай, живем, по Итиль-реке варяжские ладьи нередко ходят.

– А-а... – протянул Стрелок как будто разочарованно. – А мы вот слышали, что Ростов так далеко от общих торговых путей стоит, что только бобры дикие там и водятся, а от остальной Руси туда мало кто и добирается.

Киму больше всего задело, что пришлый о бобрах непочтительно отозвался. Ну и стал пояснять, что у мерян бобер – зверь священный: он и мудр, и плодовит, и мастеровит; бобры умеют рубить деревья, запружать реки, строить дома, как

люди, даже говорить между собой умеют лучше всех других зверей, так как работают вместе, ватагой. Да и богат бобер – мех его ценится у варягов не меньше соболя или куницы. Парень даже достал из-за пазухи искусно сделанную фигурку бобра на тесемке – оберег. Но его попутчиков восхваление бобра не больно-то и тронуло, и они вновь принялись расспрашивать, какие связи у мерян с другими землями Руси.

Далась им эта Русь! Кима-то и слова такого не знал, а их, похоже, это только порадовало. А потом они уже внимательнее слушали мерянина, который с гордостью поведал им про ростовского ярла Аудуна, некогда со всем своим родом поселившегося на берегах озера Неро. Сам важный посадник Путята считается с ним, ибо известно, что варяги достойнейшие как в войне, так и в правлении. Да что там говорить, сам Олег Вещий – варяг, а это на многое указывает.

– И как же ладят Аудун и Путята? – продолжал расспрашивать Стрелок.

Кима хмыкнул. Ну, паря, пусть глаза-то у тебя и матерые, а и Киме есть чем тебя подивить. И он принялся рассказывать, как варяг Аудун как-то прибыл на двух ладьях, пройдя по реке Итиль, как поселился в Ростове и даже породнился с первыми людьми града: дочку посадника Путяты за себя просватал, а свою старшую отдал ни много ни мало за того воеводу Нечая, который Киме родной отец.

– Так что и я теперь с варягами в родстве, – приосанился мерянин. Вот, пусть видят, с каким важным человеком свела их судьба. Потом добавил, что и тиун градский, Усмар, недавно женился на другой дочери варяга Аудуна. А тиун этот в Ростове почитай один из самых важных людей.

Тут голос подала Света:

– Как же вышло, что слуга, тиун какой-то, так смог подняться в Ростове?

Ее вопрос озадачил Киму. Только и смог сказать: какой же тиун слуга, если без его догляда ни торги, ни дани, ни полюдья не проходят? Рассказывают, что Усмар сам из новгородской купеческой семьи, что некогда в Ростов прибыл, а

так как в округе он единственный, кто считать может, как... как... Тут Кима даже не знал, с кем сравнить, ибо и мудрые шаманы не умели так скоро считать и складывать непомерно огромные числа, как Усмар, который за час мог обделать любое дело... Правда, и себя не забывает – вон как разбогател на мерянской земле, вон как поднялся... Поговаривают, будто богаче его во всем крае нет. И добавил негаданно: «Хапуга!»

– Не сильно ты его любишь, – заметил Стрелок.

Кима смолчал, только стегнул лосей. Но через миг все же не сдержался:

– А чего его любить! Перед ним даже сам Путята заискивает. Ну а варяг Аудун... Эх, дочка его, Асгерд, в прошлый праздник лета мне улыбалась, даже гостинцы принимала, а ее... Усмар просватал, и Аудун счел его достойным и позволил породниться со своей семьей.

Какое-то время они ехали молча. Потом Кима почувствовал, как Света легонько погладила его по плечу.

– Не огорчайся, Кима. Ты молод, за тебя любая пойдет.

Кима криво улыбнулся. Хотя чего там – и впрямь любая.

Да только такую горделивую и ясноглазую, как Асгерд, поди найди. А может, и впрямь поискать? Ведь довелось же ему негаданно встретить такую красавицу, как эта приветливая Света из лесов. Но она уже занята. И пока он, Кима, будет в лесах мед из бортей собирать, всех ладных девушек более расторопные удалыцы порасхватывают.

Кима замолчал, глядя на дорогу, а путники продолжали негромко переговариваться. Кима в какой-то момент уловил, что их голоса как будто изменились, в них слышались незнакомые нотки. Да и о чем они говорили, было не разобрать. Только отдельные фразы услышал: «Глушь, думали... безопасно...», «А как кто узнает...». И еще: дескать, мир велик, поедем и дальше.

А потом Стрелок резко выхватил свой лук, миг – и стрела сорвалась с тетивы. Кима, ошарашенный, замер, наблюдая, как с дальнего дерева, сбивая снег с

ветвей, свалился темным комком соболь.

Мерянин натянул поводья, глядя, как Стрелок пошел в заросли, а потом вернулся, разрыхляя при ходьбе глубокий снег сильными ногами в темных меховых онучах. Показал добычу сперва жене, а потом и Киме. Зверек был красивый, с черно-дымчатым мехом – за такого у хазарского купца в базарный день можно не один дирхем затребовать, а болгарин и коня отдаст. И еще Кима заметил, что шкурка зверька не подпорчена – сбил Стрелок соболя аккуратно в глаз. И это при движении и с такого расстояния!

– А ведь ты и впрямь Стрелок! – восхитился мерянин.

Он не видел, как охотник и его жена быстро переглянулись. Света кивнула согласно, словно взгляда им было достаточно, чтобы понять друг друга.

– Бери, это тебе, Кима Нечаев сын, – произнес Стрелок, протягивая парню соболя.

– Шутишь, что ли! – От удивления мерянин даже на шепот перешел. Но тут же поправился: – За такой дар надо постараться. А что я? Только подвез вас и все.

– А ты и дальше старайся. У тебя отец в Ростове не последний человек, вот и замолви ему за нас словечко. Мол, мы в дружбе с тобой, мол, надо похлопотать перед посадником Путятой.

Для простодушного Кимы все это было слишком сложно, но он все-таки кивнул. Что ж, он попробует. Его слово не многого стоит, но ведь у Нечая он единственный сынок. Может, и послушает. Да и получить черного соболя почитай за просто так Киме хотелось.

– За мной не пропадет, – подмигнул он, принимая подарок. И уже когда отъехали, добавил: – Только вы совета послушайтесь: держитесь подальше от Усмара. И ее, – он кивнул на Свету, – не выставляйте перед ним. Ибо Усмар... Она ведь краса, а тиун страсть как до красавиц охоч. Даром что сам тесть Аудун за ним приглядывает. Да и Асгерд его любит...

И вздохнул нерадостно. Но потом, снова причмокнув, стегнул лосей вожжами. Ну не тосковать же было в такой ясный день!

ГЛАВА 2

Лоси бежали легкой рысцой, и вскоре лес начал редеть, стали появляться поселения мерянские: обычно стояли рядышком два или три длинных бревенчатых дома без окон, с рогатыми лосиными черепами под стрехами, дым вился сквозь продухи дерновых крыш. Сами меряне были в тяжелых зимних одеждах, у многих украшенных по плечам меховыми узорами; вместо шапок и мужики, и бабы носили пришитые к шубам башлыки, которые набрасывали на головы. Жившие своим особым укладом, они, тем не менее, были гостеприимны. Заметивдвигающийся по тропе вдоль поселения возок, меряне приветливо махали руками, выкрикивали пожелания доброй дороги, а то и зазывали в гости. Кима весело что-то отвечал по-мерянски, смеялся, когда местные детишки пытались бежать следом, утопая в глубоком снегу. И взрослые, и дети с любопытством глядели на чужаков, ехавших в компании Кимы. Дорога постепенно расширялась и все больше шла под уклон. Стрелок и Света невольно подались вперед, когда открылся вольный простор среди лесов, показались широкое замерзшее озеро Неро и темные строения града Ростова. На берегу верх днищами лежали челноки, вмёрзшие в снега; кое-где около прорубей копошились люди; проехал верхом всадник; шли бабы с коромыслами. Сам Ростов был расположен не на мысу, как обычно было принято у прибрежных градов, и не на насыпи; градского защитного тына нигде не было видно, отчего все здесь казалось бедным и ненадежным. По сути это было обычное поселение: дворы строились кому где нравилось, одни избушки приткнулись у самой воды, возле причалов, другие – у кромки леса; кое-где виднелись обнесенные тынами усадьбы, стоявшие как бы сами по себе; и только в одном месте путники заметили рубленые башни и скопление заснеженных кровель, от которых тянулись к небу дымки очагов.

– А вон там градский детинец, – указал вперед Кима. – Дружинные избы, терем посадника Путяты и гридница.

– Ага, – с деланным уважением кивнул ему Стрелок, однако особого почтения не выказал и уже через миг спросил почти с осуждением: – Пошто в Ростове не

оградились от находников стеной да запорами? Или лихолетья у вас не бывало?

Мерянин только хмыкнул.

– Словене одно время пробовали возвести насыпь, но потом передумали. Да и не нужны Ростову особые укрепления. Град ведь окружен болотами, сухопутный путь от великого Итиля к городу топиями перекрыт, а если подойти по рекам... то это еще суметь надо. Реки-то у нас илистые и порожистые, ну а вдоль побережья дозор несется.

Меж тем Кима прикрикнул на лосей и ловко завернул их к избам, поехал по длинному проходу между тынов.

Здесь детинец не впечатлял мощью. Ни насыпи, ни привычной для градов городни ни заборолов со скважинами-бойницами – только частокол из толстых бревен, довольно крепкий, с заостренными наверху лесинами, пригнанными так, чтобы не было зазоров. Да и ворота были мощные, из расколотых пополам дубовых стволов, стянутых железными скобами. А над ними привычное: поднятые на шестах черепа врагов – доказательство, что не даром кормятся воины из детинца. Освещенные неярким зимним солнышком, они скалились жуткими улыбками со своей высоты.

У ворот стояли стражники в островерхих шлемах, а на открытом пространстве у детинца толпились люди с возами и санками, привезшими полагающуюся дань, которую принимал у них невысокий, богато разодетый мужчина в длинной, крытой синим сукном шубе и высокой меховой шапке.

Увидев его, Кима что-то проворчал недовольно: надо же, как это они на тиуна Усмара сразу напоролись. Но шапку все же скинул, склонился, приветствуя управителя как главного. А тот сперва только мельком взглянул, больше занятый принятием товаров, и лишь потом, разглядев незнакомцев, отвлекся от беседы с очередным данником, присмотрелся более пристально, особенно к Свете. Она тоже спокойно разглядывала поднявшегося до положения управителя тиуна. И хотя Усмар был недурен собой – невысокий, стройный, с выразительными карими глазами и темными бровями взлет, с холеной аккуратной бородкой, –